

Информация для цитирования:

Тепляшин П.В. Особенности правового статуса осужденных, в отношении которых применяются нарративные практики ресоциализации (опыт Китая) // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2021. № 4(43). С. 100–107. DOI: 10.34988/2226-2326.2021.43.4.013.

For citation:

Tepliyashin P.V. Osobennosti pravovogo statusa osuzhdennykh, v otnoshenii kotorykh primenya-yutsya narrativnyye praktiki resotsializatsii (opyt Kitaya) [Features of the Legal Status of Convicts in Relation to Whom the Narrative Practices of Resocialization are Applied (the Experience of China)]. *Journal of the Perm Institute of the FPS of Russia*, 2020, no. 4(43), pp. 100–107. (In Russ.). DOI: 10.34988/2226-2326.2021.43.4.013.

УДК 343.825:340.5:159.9.072

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ОСУЖДЕННЫХ,
В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ПРИМЕНЯЮТСЯ НАРРАТИВНЫЕ
ПРАКТИКИ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ (ОПЫТ КИТАЯ)**

П.В. Тепляшин¹

¹ ФГКОУ ВО Сибирский юридический институт МВД России

660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20

E-mail: pavlushat@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6737-749X

Аннотация. Введение: Согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года вызовы, стоящие перед уголовно-исполнительной системой, требуют принятия дополнительных мер по ресоциализации осужденных. Соответственно, выяснение особенностей обращения с осужденными в зарубежных пенитенциарных системах имеет важное значение для развития потенциала отечественной науки уголовно-исполнительного права и совершенствования деятельности ФСИН России. **Цель:** обнаружить особенности правового статуса осужденных при реализации китайской модели нарративного подхода в практиках ресоциализации. **Методы:** Системно-структурный анализ, абстрагирование, герменевтическое изучение отечественных теоретических работ, компаративистский контент-анализ эмпирических исследований, проведенных в некоторых китайских исправительных учреждениях. **Результаты:** Нарративный подход позволяет выявлять индивидуальные поведенческие изменения осужденного и тем самым способствует разработке программ его ресоциализации. Реализация такого подхода в западноевропейских исправительных практиках сопряжена с «мягким принуждением», направленным на формирование у лица просоциальной нарративной идентичности, что сужает его правовой статус за счет сведения к минимуму законных интересов осужденных. Нарративные практики в пенитенциарной системе КНР предполагают более широкий объем законных интересов лиц, участвующих в соответствующих программах. **Выводы:** Китайская модель нарративного подхода в практиках ресоциализации осужденных обладает своими особенностями и отражает специфику правового положения лиц, отбывающих тюремное заключение. Данный опыт должен выступать предметом конструктивного анализа в целях дальнейшей оптимизации мер по ресоциализации осужденных и их юридического статуса в отечественной правоприменительной практике.

Ключевые слова: Закон Китайской Народной Республики о тюрьмах; исправительное воздействие; когнитивно-поведенческая терапия; пенитенциарные системы; правила поведения; реинтеграция заключенных; тюремный регламент.

FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF CONVICTS IN RELATION
TO WHOM THE NARRATIVE PRACTICES OF RESOCIALIZATION
ARE APPLIED (THE EXPERIENCE OF CHINA)

Pavel V. Teplyashin¹

¹ Siberian Law Institute of the MIA of Russia
20, Rokossovskiy st., Krasnoyarsk, Russia, 660131
E-mail: pavlushat@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6737-749X

Abstract. Introduction: According to the Concept of the Development of the Penal System of the Russian Federation for the period up to 2030, the challenges facing the penal system require additional measures to re-socialize convicts. Accordingly, the clarification of the peculiarities of the treatment of convicts in foreign penitentiary systems is important for the development of the potential of the domestic science of penal law and the improvement of the activities of the Federal Penitentiary Service of Russia. **Aim:** to discover the features of the legal status of convicts in the implementation of the Chinese model of the narrative approach in the practices of resocialization. **Methods:** System-structural analysis, abstraction, hermeneutical study of domestic theoretical works, comparative content analysis of empirical studies conducted in some Chinese correctional institutions. **Results:** The narrative approach makes it possible to identify individual behavioral changes of the convicted person and thereby contributes to the development of programs for his resocialization. The implementation of such an approach in Western European correctional practices is associated with «soft coercion» aimed at forming a prosocial narrative identity in a person, which narrows his legal status by minimizing the legitimate interests of convicts. Narrative practices in the penitentiary system of the People's Republic of China assume a wider scope of legitimate interests of persons participating in relevant programs. **Conclusions:** The Chinese model of the narrative approach in the practices of resocialization of convicts has its own characteristics and reflects the specifics of the legal status of persons serving a prison sentence. This experience should be the subject of a constructive analysis in order to further optimize measures for the re-socialization of convicts and their legal status in domestic law enforcement practice.

Keywords: Prison Law of the People's Republic of China; correctional impact; cognitive behavioral therapy; penitentiary systems; rules of conduct; reintegration of prisoners; prison regulations.

Введение

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года (далее – Концепция) указано, что вызовы, стоящие перед уголовно-исполнительной системой, требуют принятия дополнительных мер по ресоциализации осужденных. Следовательно, необходимо постоянно работать над оптимизацией данных мер, в том числе путем обращения к особенностям правового

статуса осужденных, в отношении которых применяются нарративные практики ресоциализации, в зарубежных пенитенциарных системах. Не случайно в Концепции закреплено, что «изучение и внедрение международного опыта пенитенциарных систем зарубежных стран в уголовно-исполнительную систему является одной из важнейших задач в процессе дальнейшего совершенствования деятельности Федеральной службы исполнения наказаний». В понимании особенностей зарубежных тюремных практик

обнаруживается насущная потребность и важность для развития потенциала отечественной науки уголовно-исполнительного права. Более того, исследование зарубежной пенологии и соответствующих практик ресоциализации является не просто «данностью» для отечественных исследователей, но представляется выражением свободной научной воли тех из них, кто осознает квинтэссенцию теоретической и практической результативности такого анализа, понимает и прогнозирует в этой связи перспективность отечественной модели ресоциализации осужденных, чувствует ценность российского опыта обращения с осужденными для мировых пенитенциарных практик.

Западноевропейский опыт (в контексте актуализации проблемы)

Принципиальной особенностью ресоциализации осужденных в западноевропейских исправительных практиках является работа по нарративному пониманию правонарушителем собственного жизненного опыта, которая отражает терапевтический дискурсивный срез взаимодействия специалиста и осужденного, а также выступает неотъемлемой частью когнитивно-поведенческой терапии. Нарративный подход позволяет выявлять индивидуальные когнитивные и поведенческие изменения осужденного и тем самым существенно способствует разработке программ его ресоциализации. При этом такие практики опираются на теоретические разработки в области когнитивной и поведенческой психологии [6]. Ведь возможность обсуждения опыта прошлой жизни человека используется в различных практиках психотерапии и это необходимо для любого психологического изменения. Соответственно, успех осужденных в формировании просоциальной нарративной идентичности носит юридически значимый характер и часто в зарубежных пенитенциарных практиках вознаграждается досрочным освобождением или условно-досрочным освобождением [13, с. 34–35]. При этом допустимо говорить о европейских нарративных практиках в исправительных учреждениях Западной Европы, поскольку пенитенциарные системы Восточной Европы (включая страны Прибалтики) в основном воспроизводят западноевропейские нарративные технологии либо носят комплементарный по отношению к ним характер. Более того, само понимание ресоциализации достаточно сильно расходится. Например, Лукас Б. Мазур и Мариуш Штука (Lucas B Mazur, Mariusz Sztuka) пишут: «Взаимосвязь между педагогикой и уго-

ловным правосудием привела к использованию термина «ресоциализация» (*resocjalizacja*) в польском контексте. Польское понимание *resocjalizacja* связано с его немецким аналогом *Resozialisierung*, термином, который часто появлялся в сочетании с понятием *Besserung* («улучшение») [...]. Однако различные положительные коннотации этого понятия не отражены в его английском аналоге, поскольку «ресоциализация» (во многом аналогичная понятию «перевоспитание») в значительной степени воспринимается как уничижительное понятие, связанное с проектами социальной инженерии тоталитарных режимов. Однако этот термин понимается не так в польском контексте, что подчеркивает различную роль, которую играют педагогика и право в разных национальных контекстах» [11, с. 156].

Вместе с тем нарративный подход в западноевропейских исправительных практиках не обошла критика, суть которой сводится к тому, что при формировании у осужденного просоциальной нарративной идентичности фактически реализуется «мягкое принуждение», что вызывает дальнейшую когнитивную путаницу и искажения в сознании лица [7]. Кроме того, такой подход ощутимо сужает правовой статус осужденного за счет выхолащивания законных интересов осужденного в процессе его участия в подобных программах, ставит его фактически в сервильное юридическое положение, поскольку осужденный выступает в роли несведущего пациента в столь сложных психотерапевтических практиках. Не случайно в решениях Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) уделяется особое внимание процессу и программам социальной реинтеграции заключенных (например, постановление ЕСПЧ от 13 июня 2019 года по делу «Марчелло Виола против Италии (№ 2)» [*Marcello Viola v. Italy (№ 2)*] (жалоба № 77633/16), постановление ЕСПЧ от 17 января 2017 года по делу «Хатчинсон против Соединенного Королевства» [*Hutchinson v. the United Kingdom*] (жалоба № 57592/08)).

Сложно не примкнуть к данной критике. Так, при реализации данного подхода в западноевропейских исправительных практиках не решается проблема столкновения социально-правовых паттернов поведения и персональных устремлений осужденного лица, то есть индивидуальное самоотождествление лица с системой социальных и юридических норм происходит недобровольно, что осложняет процесс исправительного воздействия или, по крайней мере, не способствует ему.

Согласимся с тезисом В.С. Ерохина и Н.В. Ерохиной о том, что нарративный подход «оказывается совершенно не связанным с фактическим положением дел, не содержит в себе описание реально существующих предметов, явлений или отношений... Нарратив представляет собой, скорее, способ субъективного описания того, что происходит, путь выражения субъективного мнения о происходящем. В нарративе познанию подвергаются контексты, условия, в которых существуют явления или отношения, но никак не они сами» [3, с. 191]. Ресоциализирующая работа с осужденным должна носить управляемый характер и быть ориентированной на социальные (одобряемые) нормы поведения, тогда как «...свойство нарративности персональной идентификации лишает человека необходимости ориентироваться на принуждающие нормы общесоциального поведения...недостатком такого подхода может служить признание отсутствия общесоциальных норм и моделей поведения. Это влечёт за собой разрушение общественной структуры, что ставит под угрозу корректное совместное существование всего многообразия социальных субъектов» [3, с. 192–193]. Следовательно, стоит крайне осторожно относиться к подобным западноевропейским исправительным практикам. Не случайно можно встретить следующее мнение: «(пенальные) системы Запада (особенно США и Великобритании) не являются очевидными, отлаженными или необходимыми. Игнорируя различия в совпадающих интересах или позициях (чтобы рассматривать их только при возникновении проблем), неочевидно формирование «теории мирового масштаба», в которой наша (обычно американская или британская) реальность становится мерой оценки мира» [11, с. 154].

Опыт Китайской Народной Республики (в контексте обсуждения проблемы)

В этой связи научный интерес представляет опыт реализации программ ресоциализации в пенитенциарной системе Китайской Народной Республики (далее – КНР), которая к настоящему времени в условиях постепенного снижения тюремного контингента (в 2006 году – 1 млн. 710 тыс., в 2016 году – 1 млн. 650 тыс.)¹ применяет, как правило, собственные методики и технологии обращения с осужденными. При этом заметим, что среди исследовательских работ отечественных авторов [2; 4; 5] отсутствует анализ ресоциа-

лизирующих (и тем более – нарративных) практик обращения с осужденными в исправительных учреждениях КНР, а также правового статуса осужденных, в отношении которых применяются данные практики. Поэтому обращение к данной проблеме обусловлено определенным научным интересом.

В специальных исследованиях отмечается, что нарративная практика работы с осужденными стала важной частью китайской пенитенциарной системы уже с начала 1900-х годов [8, с. 134–136]. В дальнейшем «идеал ресоциализации» в китайских исправительных учреждениях стал строиться на понимании девиантности поведения и мышления [14, с. 707–715] с одновременной «мобилизацией осужденных на добровольный труд путем проведения занятий по самокритике, на которых они создавали повествование о том же прошлом, но сосредотачивались на своих собственных неправильных мыслях в отношении социализма и на том, как они стремятся к самосовершенствованию, удовлетворяя требования наказания... это демонстрирует, что существуют серьезные различия между требованиями западных и китайских пенитенциарных учреждений... китайская нарративная ресоциализация реализуется не только как цель, но и в равной степени важна как процесс, который составляет часть официальных требований, установленных тюрьмой, без дискриминации по видам правонарушений. Китайская модель нарративной ресоциализации существует вне явных рамок психологии и предлагается в соответствии с конфуцианским воспитательным и дисциплинарным идеалом корректировки мышления и совершенствования человека» [16, с. 374–375, 378]. Данный «идеал ресоциализации» практикуется в сочетании с системой использования баллов для оценки ожидаемого раскаяния и морального исправления, мобилизации ресоциализирующих усилий осужденного [9, с. 62–63; 15, с. 665–671]. Здесь обнаруживается тесная связь с реализацией осужденными своих законных интересов. Так, согласно ст. 81 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики исправление и раскаяние осужденного является одним из условий предоставления ему условно-досрочного освобождения.

При поступлении в исправительное учреждение осужденные обязаны пройти период «нового вступительного обучения», которое длится от 2 до 12 недель в зависимости от региона. В свою очередь, написание автобиографических эссе

¹ World Prison Brief. China // Электронная база данных The World Prison Brief. URL: <https://www.prisonstudies.org/country/china> (дата обращения: 29.08.2021).

(как правило, на темы «Моя автобиография», «Как я встал на путь преступления», «Письмо с признанием и покаянием») носит юридически регламентированный порядок, выступает юридической обязанностью осужденного и является частью процесса обучения при поступлении [17]. Письменные автобиографические размышления (в некоторых исправительных учреждениях также практикуются постановочные сценические представления) готовятся осужденными на протяжении всего тюремного заключения и используются в балльно-рейтинговой оценке успехов в исправлении, выступая частью системы перевоспитания «5+1+1» (пять дней в неделю трудового воспитания, один день – учебы, один день – отдыха). В результате образуется достаточно ёмкая история жизненного пути и когнитивных ощущений осужденного. Как отмечает Джеймс Уолдрам (James Waldram), существует «судебно-исправительная... официальная история жизни», на которой основаны процесс лечения и цели ресоциализации преступника (в данном случае с сексуальной мотивацией), будет успешно использоваться при обращении с осужденным «в той мере, в какой он принимает официальную правду, участвует в переписывании своей истории жизни и сообщает значимые когнитивные сдвиги» [12, с. 147].

Данный опыт свидетельствует о специфических чертах нарративных практик ресоциализации осужденных в пенитенциарной системе КНР, что объективно приводит и к особенностям закрепления их правового статуса, который предполагает более широкий объем законных интересов лиц, участвующих в соответствующих программах, отражает значительную информативность корреспондирующих прав и обязанностей субъектов исполнения уголовного наказания.

Результаты

В отличие от западноевропейских практик, которые сопряжены с детальным психоанализом преступника, использование нарративного подхода в ресоциализации осужденного в китайских исправительных (точнее – воспитательных) практиках отличается гораздо меньшей когнитивностью: он ориентирован не столько на факты, сколько на формирование и изложение повествований о покаянии и признании осужденным отрицательного характера своего поведения. Соответственно, в первых практиках рассказ преступника является неотъемлемой частью терапевтического вмешательства, что значительно ограничивает реализацию заключенными своих закон-

ных интересов, тогда как во вторых – осужденные обязаны лишь записывать свои жизненные истории и так называемые исповедальные размышления на бумаге, а также (в некоторых исправительных учреждениях, предназначенных в первую очередь для содержания насильственных преступников) готовить сценарии выступления об образцовой морали поведения и эффективных моделях ресоциализации лиц, отбывающих тюремное заключение. Данные записи оценивают специалисты (не только врачи, занимающиеся когнитивно-поведенческой терапией, но и иные сотрудники исправительного учреждения) и при желании самого осужденного обсуждают с ним данные повествования либо подготовленные сценарии. Следовательно, в китайских нарративных практиках осужденные обладают достаточно широким набором субъективных прав и способны осуществлять выбор вариантов своего поведения, то есть реализовывать законные интересы. Наличие законодательно предусмотренных вариантов поведения осужденного в рамках рассматриваемых практик способствует позитивной когнитивной реконструкции его личности, усиливает конструктивный самоконтроль в процессе ресоциализации. В специальных исследованиях справедливо отмечается, что благоприятные личностные изменения, движение в сторону некриминальной личности и большая самоэффективность связаны с улучшением способности контролировать свое собственное поведение [10, с. 73].

Кроме того, нарративный подход в китайских практиках ресоциализации осужденных не предполагает использование сложной терминологии (что свойственно западноевропейским исправительным практикам), а повествовательные сюжеты в основном наполнены не психологическими, а моральными, политическими и основными юридическими категориями, которые встречаются в обыденной жизни за пределами тюремных стен.

Рассмотренный контраст с западноевропейскими нарративными практиками отражает более общую тенденцию в формировании правовой китайской системы, тонко сочетающей право и мораль: «в Китае идее правления при помощи закона (то есть управления народом и его принуждения к каким-то действиям посредством кодифицированного закона) противопоставлялась идея морального правления (то есть нравственного воспитания народа и создания системы общественного контроля над ним на основе соблюдения ритуала и чувства стыда)» [1, с. 307].

Можно утверждать существование китайской модели нарративного подхода в практиках ресоциализации осужденных, суть которой сводится к предоставлению лицу достаточно четкой структуры (схемы) понимания и оценки своего жизненного опыта и нивелированию индивидуальных личностных различий. При этом риски когнитивных искажений минимизированы путем использования соответствующих тюремных регламентов, представляющих четкие правила поведения персонала исправительного учреждения при реализации программ когнитивно-поведенческой терапии. Необходимость подобных регламентов закреплена в Законе КНР о тюрьмах (Prison Law of the People's Republic of China).

Заключение

Таким образом, рассмотрение специфики нарративных практик ресоциализации лиц, отбывающих наказания в исправительных учреждениях КНР, и особенностей правового статуса осужденных при реализации данных практик – это исследование не только соответствующего зарубежного опыта, но и анализ определенной модели обращения с осужденными, направленной на решение непростых вопросов современных исправительных и профилактических механизмов. Данная модель представляет ценность для развития потенциала отечественной науки уголовно-исполнительного права, а также может быть использована в процессе совершенствования мер по ресоциализации осужденных и соответствующей оптимизации их правового статуса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бальчиндоржиева О.Б., Мяханова А.Н., Скиба А.П. Развитие правовой системы Китая: к вопросу о сочетании права и морали // *Пенитенциарная наука*. 2020. Т. 14. № 3. С. 303–309. DOI: 10.46741/2686-9764-2020-14-3-303-309.
2. Долганова Н.В., Колесникова Т.И. Условия содержания заключенных в китайских тюрьмах // *Общество*. 2019. № 2. С. 91–94.
3. Ерохин В.С., Ерохина Н.В. Идентификация нормативности в нарративном подходе: преимущества и недостатки // *Гуманитарный вектор*. 2020. Т. 15, № 4. С. 188–194. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-188-194
4. Новиков Е.Е. Правовое регулирование и организация исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы в Китайской Народной Республике // *Вестник Кузбасского института*. 2013. № 2. С. 57–67.
5. Тимофеева Е.А. Особенности функционирования пенитенциарной системы Китайской Народной Республики на современном этапе // *Вестник Самарского юридического института*. 2016. № 3. С. 75–81.
6. Cullen F.T. Taking rehabilitation seriously: Creativity, science, and the challenge of offender change // *Punishment and Society*. 2012. Vol. 14. Iss. 1. Pp. 94–114. DOI: 10.1177/1462474510385973.
7. Hall M., Rossmanith K. Imposed stories: prisoner self-narratives in the criminal justice system in New South Wales, Australia // *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy*. 2016. Vol. 5. Iss. 1. Pp. 38–51. DOI: 10.5204/ijcjsd.v5i1.284.
8. Kiely J. The compelling ideal: Thought reform and the prison in China, 1901–1956. New Haven: Yale University Press, 2014. 416 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0021911815000182>.
9. Li E. Penological developments in contemporary China: Populist punitiveness vs. penal professionalism // *International Journal of Law, Crime and Justice*. 2017. Vol. 51. Pp. 58–71. DOI: 10.1016/j.ijlcrj.2017.06.001.
10. Martín A.M., Padrón F., Redondo S. Early Narratives of Desistance from Crime in Different Prison Regimes // *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*. 2019. Vol. 11. Iss. 2. Pp. 71–79. DOI: 10.5093/ejpalc2019a2.
11. Mazur L.B., Sztuka M. Hidden harmony: Converging interests in the development of prison reform // *Theoretical Criminology*. 2021. Vol. 25. Iss. 1. Pp. 149–168. DOI: 10.1177/1362480619875732.
12. Waldram J.B. Narrative and the Construction of «Truth» in a Prison-Based Treatment Program for Sexual Offenders // *Ethnography*. 2007. Vol. 8. Iss. 2. Pp. 145–169. DOI: 10.1177/1466138107078631.
13. Warr J. «Always gotta be two mans»: Lifers, risk, rehabilitation, and narrative labour // *Punishment and Society*. 2020. Vol. 22. Iss. 1. Pp. 28–47. DOI: 10.1177/1462474518822487.
14. Wu W., Beken T.V. Understanding Criminal Punishment and Prisons in China // *The Prison Journal*. 2018. Vol. 98. Iss. 6. Pp. 700–721. DOI: 10.1177/0032885518811818.

15. Zhang A. Chinese Practice of Foucault's «Disciplinary Power» and its Effects on the Rehabilitation of Female Prisoners in China // *The British Journal of Criminology*. 2020. Vol. 60. Iss. 3. Pp. 662–680. DOI: 10.1093/bjc/azz068.

16. Zhang X. Narrative Rehabilitation: Manifestation of Chinese and Western Reform Ideals and Practices // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2021. Vol. 65. Iss. 4. Pp. 373–389. DOI: 10.1177/0306624X20952398.

17. Zhang X., Dong X. The archived criminal: Mandatory prisoner autobiography in China // *The emerald handbook of narrative criminology* / eds. J. Fleedwood, L. Presser, S. Sandberg, T. Ugelvik. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2019. Pp. 427–444. DOI: 10.1108/9781787690059.

REFERENCES

1. Balchindorzhiyeva O.B., Myakhanova A.N., Skiba A.P. Razvitiye pravovoy sistemy Kitaya: k voprosu o sochetanii prava i morali [Development of the Chinese legal system: on the issue of combining law and morality]. *Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 3, pp. 303–309. (In Russ.). DOI: 10.46741/2686-9764-2020-14-3-303-309.

2. Dolganova N.V., Kolesnikova T.I. Usloviya sodержaniya zaklyuchennykh v kitayskikh tyur'makh [Conditions for the content of condemned in Chinese prisons]. *Society*, 2019, no. 2, pp. 91–94. (In Russ.).

3. Erokhin V.S., Erokhina N.V. Identifikatsiya normativnosti v narrativnom podkhode: preimushchestva i nedostatki [Identification of Normativity in the Narrative Approach: Advantages and Disadvantages]. *Humanitarian Vector*, 2020, vol. 15, no. 4, pp. 188–194. (In Russ.). DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-188-194.

4. Novikov Ye.Ye. Pravovoye regulirovaniye i organizatsiya ispolneniya i otbyvaniya nakazaniya v vide lisheniya svobody v Kitayskoy Narodnoy Respublike [Legal regulation and organization of execution and serving punishments in the form of imprisonment in China]. *Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2013, no. 2, pp. 57–67. (In Russ.).

5. Timofeyeva Ye.A. Osobennosti funktsionirovaniya penitentsiarnoy sistemy Kitayskoy Narodnoy Respubliki na sovremennom etape [Features of the functioning of the penitentiary system of the People's Republic of China at the present stage]. *Bulletin of the Samara Law Institute*, 2016, no. 3, pp. 75–81. (In Russ.).

6. Cullen F.T. Taking rehabilitation seriously: Creativity, science, and the challenge of offender change. *Punishment & Society*, 2012, vol. 14, no. 1, pp. 94–114. (In Eng.). DOI: 10.1177/1462474510385973.

7. Hall M., Rossmann K. Imposed stories: prisoner self-narratives in the criminal justice system in New South Wales, Australia. *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy*, 2016, vol. 5, no. 1, pp. 38–51. (In Eng.). DOI: 10.5204/ijcjsd.v5i1.284.

8. Kiely J. *The compelling ideal: Thought reform and the prison in China, 1901-1956*. New Haven, Yale University Press, 2014. 416 p. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1017/S0021911815000182>.

9. Li E. Penological developments in contemporary China: Populist punitiveness vs. penal professionalism. *International Journal of Law, Crime and Justice*, 2017, vol. 51, pp. 58–71. (In Eng.). DOI: 10.1016/j.ijlcrj.2017.06.001.

10. Martín A.M., Padrón F., Redondo S. Early Narratives of Desistance from Crime in Different Prison Regimes. *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*, 2019, vol. 11, no. 2, P. 71–79. (In Eng.). DOI: 10.5093/ejpalc2019a2.

11. Mazur L.B., Sztuka M. Hidden harmony: Converging interests in the development of prison reform. *Theoretical Criminology*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 149–168. (In Eng.). DOI: 10.1177/1362480619875732.

12. Waldram J.B. Narrative and the Construction of «Truth» in a Prison-Based Treatment Program for Sexual Offenders. *Ethnography*, 2007, vol. 8, no. 2, pp. 145–169. (In Eng.). DOI: 10.1177/1466138107078631.

13. Warr J. «Always gotta be two mans»: Lifers, risk, rehabilitation, and narrative labour. *Punishment & Society*, 2020, vol. 22, no. 1, pp. 28–47. (In Eng.). DOI: 10.1177/1462474518822487.

14. Wu W., Beken T.V. Understanding Criminal Punishment and Prisons in China. *The Prison Journal*, 2018, vol. 98, no. 6, pp. 700–721. (In Eng.). DOI: 10.1177/0032885518811818.

15. Zhang A. Chinese Practice of Foucault's «Disciplinary Power» and its Effects on the Rehabilitation of Female Prisoners in China. *The British Journal of Criminology*, 2020, vol. 60, no. 3, pp. 662–680. (In Eng.). DOI: 10.1093/bjc/azz068.

16. Zhang X. Narrative Rehabilitation: Manifestation of Chinese and Western Reform Ideals and Practices. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2021, vol. 65, no. 4, pp. 373–389. (In Eng.). DOI: 10.1177/0306624X20952398.

17. Zhang X., Dong X. The archived criminal: Mandatory prisoner autobiography in China. *The emerald handbook of narrative criminology*. Eds. J. Fleadwood, L. Presser, S. Sandberg, T. Ugelvik. Bingley, Emerald Publishing Limited, 2019. Pp. 427–444. (In Eng.). DOI: 10.1108/9781787690059.

Информация об авторе:

Тепляшин Павел Владимирович,
профессор кафедры уголовного права
и криминологии Сибирского юридического
института МВД России, доктор юридических наук,
доцент, полковник полиции
E-mail: pavlushat@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6737-749X

Information about the author:

Pavel V. Teplyashin,
Professor of the Criminal Law and Criminology
Department of the Siberian Law Institute of the MIA
of Russia, Doctor of Law, Associate Professor,
colonel of the police
E-mail: pavlushat@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6737-749X